

ПОЛИТОЛОГИЯ

С. А. Нефедов [S. A. Nefedov]
Е. И. Куцаенко [E. I. Kutsaenko]

УДК 323.2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ЕЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ

THE POLITICAL ELITE AND ITS INFORMATIONAL PRIVILEGES

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Россия
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Аннотация. Развитие информационного общества оказывает влияние на важнейшую сферу жизнедеятельности современного общества – политическую сферу, способствуя развитию политических технологий. Эти явления охватывают, бесспорно, и политическую элиту, вынужденную адаптироваться к новым обстоятельствам, к открывшимся вместе с ними возможностям и возникшим препятствиям. В частности, развитие социальных медиа угрожает ее информационным привилегиям.

Материалы и методы. Авторы рассматривают различные подходы к дефиниции политической элиты, выделяя три основных направления в ее научном изучении – классический элитизм, плюралистический элитизм и новый элитизм. Они приходят к выводу, что массмедиа выступают для элиты не только источником информации, но и средством, через которое она приобретает приоритетный доступ к массам, наделяющий ее информационными привилегиями.

Результаты и обсуждение. Большинство современных дефиниций политической элиты, развиваемых в рамках основных направлений исследований, включают в ее состав индивидов, обладающих не столько соответствующими способностями, сколько положением в институциональной иерархии. Важнейшим признаком политической элиты выступает наличие у нее различного рода привилегий, преимуществ, которыми она обладает в отличие от масс. В информационном обществе одно из центральных мест среди привилегий занимают информационные привилегии: элита в отличие от масс имеет доступ к медиaprостранству.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что современные дефиниции политической элиты включают в ее состав индивидов, обладающих не столько соответствующими способностями, сколько положением в институциональной иерархии. Элита представляет собой относительно небольшую группу людей, которые принимают решения, имеющие общенациональные последствия, либо оказывают влияние на этот процесс. Следовательно, политическая элита включает в себя политиков, высокопоставленных правительственных чиновников и лидеров различных групп интересов. Элита, благодаря своей численности, более организована, чем массы, что дает ей возможность держать последние в подчинении. Однако элита не может сохранять свое положение и управлять без определенной поддержки со стороны масс. Поэтому она вынуждена обеспечивать поддержку масс через легитимизацию своего положения и проводимой политики, используя приоритетный доступ к медиaprостранству, иными словами, свои информационные привилегии.

Ключевые слова: политическая элита, теория элит, информационные привилегии, массмедиа, информационное общество.

Abstract. The development of the information society has an impact on the most important sphere of life of modern society, the political sphere, contributing to the development of political technologies. These phenomena undoubtedly include the political elite, which is forced to adapt to new circumstances, to the opportunities that have opened up with them and the obstacles that have arisen. In particular, the development of social media threatens its information privileges.

Materials and methods. The authors consider various approaches to the definition of the political elite, highlighting three main directions in its scientific study – classical elitism, pluralistic elitism and new elitism. They conclude that for the elite, mass media are not only a source of information, but also a means through which it gains priority access to the masses, giving it information privileges.

Results and discussion. Most of the modern definitions of the political elite that are developed in the framework of the main research areas include individuals who have not so much the corresponding abilities as a position in the institutional hierarchy. The most important feature of the political elite is the presence of various kinds of privileges and advantages that it possesses in contrast to the masses. In the information society, one of the central places among the privileges is occupied by information privileges: the elite, unlike the masses, has access to the media space.

Conclusion. Summing up, we note that modern definitions of the political elite include individuals who have not so much the corresponding abilities as a position in the institutional hierarchy. The elite is a relatively small group of people who make decisions that

have national consequences or influence the process. Consequently, the political elite includes politicians, high-ranking government officials, and leaders of various interest groups. The elite, due to its size, is more organized than the masses, which makes it possible to keep the latter in subjection. However, the elite cannot maintain its position and govern without some support from the masses. Therefore, it is forced to provide support to the masses through the legitimization of its position and policy, using priority access to the media space, in other words, its information privileges.

Key words: political elite, elite theory, information privileges, mass media, information society.

Введение и актуальность. Становление и развитие информационного общества оказывают значительное влияние на политическую сферу, одну из важнейших сфер жизнедеятельности современного общества, требуя глубокого и комплексного научного осмысления происходящих событий. Тотальная информатизация этой сферы трансформирует политические технологии, сами политические процессы и институты, которые обретают под ее воздействием новые формы. Все эти явления охватывают, бесспорно, и политическую элиту, вынужденную адаптироваться к новым обстоятельствам, к открывшимся вместе с ними возможностям и возникшим препятствиям. В частности, развитие социальных медиа угрожает ее информационным привилегиям. Элита сталкивается с тем, что ей необходимо защищать свои привилегии от притязаний, исходящих от масс, получивших новое средство для выражения своих политических мнений и артикуляции своих интересов. Цель данного исследования состоит в том, чтобы систематизировать существующие на настоящий момент знания о политических элитах и выявить суть информационных привилегий, которыми они долгое время безраздельно пользовались. Данное исследование представляет собой первую теоретическую часть более масштабного и комплексного исследования, посвященного информационным привилегиям политических элит в условиях развития социальных медиа.

Материалы и методы. Результаты и выводы, сделанные в настоящем исследовании, получены с использованием сравнительно-исторического метода, позволившего выделить стадии и тенденции развития теории элит. Вместе с тем авторы применяли контент-анализ как специализированной литературы, так и медийной информации, а также кейс-стади, давший возможность подтвердить теоретические предположения.

Обзор литературы. Впервые термин «элита» появился в «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел», изданной во Франции в период с 1751 по 1772 г. Авторы соответствующей статьи Д. Дидро и Э.-Ф. Малле утверждали, что термин «элита» происходит из сферы коммерции, изначально обозначая лучшие или самые совершенные товары в определенной категории, но со временем он стал применяться и по отношению к членам высшей социальной группы [1]. Однако в лексикон социальных наук он вошел лишь в конце XIX в. Первое широкое определение термина элита можно найти в «Компендиуме по общей социологии» В. Парето, изданном в 1916 г.: «Итак, предположим, что в любой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается некий индекс, показатель его способностей, наподобие экзаменационных оценок. Например, самому лучшему профессиональному специалисту дается десять баллов; тому, кто не сумел найти ни одного клиента, выставляется один балл, чтобы можно было выставить ноль баллов тому, кто является полным идиотом. ... Введем класс, в который будут входить те, кто имеют наиболее высокие показатели в своей области деятельности. Назовем его «элитой» [2]. В этой же работе В. Парето одним из первых провел границу между политической и другими видами элиты, отмечая, что «выделенный класс следует еще раз разделить на две части, т.е. на тех, кто прямо или косвенно играют важную роль в политическом управлении и составляют класс правящей элиты. И на остальных, которые относятся к другой части класса, не являющейся правящей элитой» [3].

С тех пор учеными дано множество, порой довольно различных, определений собственно термина «политическая элита», большинство которых сконцентрировано уже не на способностях, а на институциональном положении индивидов, составляющих ее. Г. Парри под политической элитой понимал небольшую группу лиц, играющую наиболее важную роль в социально-политических делах [4]. По мнению Г. Мур, политическая элита – это лица, которые благодаря своим институциональным позициям имеют возможности влиять на принятие национальных политических решений [5]. Д. Хигли и М. Бертон определяют политическую элиту как лиц, способных благодаря их высокому положению в различных ключевых организациях и движениях оказывать регулярное и значительное влияние на направление национальной политики [6]. А. Ямокоски и Д. Дубров называют политической элитой связанных друг с другом посредством сетей власти акторов, которые занимают ключевые позиции и контролируют ресурсы [7]. Для И. Араи политическая элита – это люди, которые принимают политические решения, имеющие последствия на национальном уровне [8]. Несмотря на различия в определениях,

большинство исследователей соглашаются с тем, что элита представляет собой относительно небольшую группу людей, которые принимают решения, имеющие общенациональные последствия, либо оказывают влияние на этот процесс. Следовательно, политическая элита включает в себя политиков, правительственных чиновников и лидеров различных групп интересов, которые пытаются влиять на распределение ценностей в обществе.

В настоящее время в теории элит выделяется три направления, каждое из которых внесло свой вклад в ее развитие: классический элитизм, плюралистический элитизм и т.н. новый элитизм. Центральным звеном классического элитизма является идея о неизбежности существования элиты. Его представители использовали эту идею в качестве основного аргумента в интеллектуальной борьбе с политическим либерализмом и марксизмом, утверждая, что настоящая демократия (как правление народа или демоса) и социализм (как бесклассовый режим) невозможны, поскольку любое общество управляется элитой. Одна элита может быть заменена только другой элитой, так как большинство всегда управляется меньшинством. Идея о неизбежности элит нашла отражение в теории циркуляции элит В. Парето, в концепции правящего класса Г. Моски и в «железном законе олигархии» Р. Михельса.

Исходя из положений классического элитизма, в любом обществе, какого бы типа оно ни было и в какой исторический момент оно ни существовало, всегда имеются две группы людей: группа, которая правит, и группа, которая подчиняется. Первая состоит из небольшого числа людей, обладающих политической властью и прочими вытекающими из нее привилегиями, тогда как вторая значительно более многочисленна и вынуждена следовать правилам игры, устанавливаемым другой группой. Элита и массы, как называются эти группы, формируют отдельно взятую политическую организацию, функционирующую по законам олигархического развития. Организация, по словам Р. Михельса, порождает «доминирование тех, кто избран, над теми, кто избирает, тех, кто получает мандат, над теми, кто его предоставляет, делегатов над делегирующими, поэтому кто говорит об организации говорит об олигархии» [9]. Олигархические тенденции, проявляющиеся независимо от идеологии и целей организации, объясняются тем фактом, что массы, как правило, проявляют апатию к управлению, тогда как для элит вопросы власти имеют всегда приоритетное значение. Как замечал Р. Михельс, «массы, которые делегируют свою суверенность, иными словами, передают ее в руки некоторых индивидов, отказываются от своей суверенной деятельности» [10]. В подобных условиях элиты стремятся освободиться от роли исполнителя коллективной воли, они эмансипируются от масс и начинают использовать имеющуюся в их руках власть в собственных интересах, а зачастую и против интересов большинства.

По мнению представителей классического элитизма, члены элиты всегда пытаются сохранить свое привилегированное положение и зачастую сделать его наследственным. До появления демократии принадлежность к элите переходила по наследству не только де-факто, но и де-юре. При демократии прямой трансфер данной принадлежности утратил легитимность де-юре, но сохранился де-факто. Потомки политической элиты имеют значительно больше шансов приобрести те особенности, которые необходимы для вступления в ее ряды [11]. Тем не менее состав элиты меняется со временем, причем не только по естественным причинам. Хотя члены элиты ревностно оберегают свое положение, в ее состав нередко проникают представители масс или представители других обществ, в результате чего происходит смена элиты. Возвышение одной элиты и упадок другой всегда происходит в одно и то же время. Существует, как отмечал В. Парето, два признака, указывающие на то, что происходит упадок существующей элиты, приоткрывающий дорогу новой: во-первых, существующая элита становится более «гуманной» и менее способной защищать свою власть, во-вторых, элита утрачивает рвение служить массам, заботясь лишь об увеличении своих законных и незаконных приобретений и возможностей узурпировать национальное богатство [12]. Новая элита, наоборот, более сильная, активная и, как правило, более предана идеалам служения общему благу.

Элита, благодаря своей численности, более организована, чем массы, что дает ей возможность держать последние в подчинении. Однако элита не может сохранять свое положение и управлять без определенной поддержки со стороны масс. Именно поэтому она вынуждена с вниманием относиться к мыслям и чувствам, по крайней мере, некоторой части масс. Основным способом обеспечения поддержки масс является легитимизация. Элита пытается оправдать свое положение и проводимую политику, находя для этого различные моральные и правовые основания, совокупность которых Г. Моска называл «политической формулой» [13]. Изоляция элиты может привести к политическому протесту и формированию в среде масс новой элиты, со своими лидерами и сторонниками, враждебно настроенными по отношению к старым элитам. Не желая идти на уступки массам, с одной стороны, и опасаясь последствий изоляции, с другой, элита часто избирает стратегию нейтрализации

политического среднего класса, самостоятельных личностей из масс, способных сформировать новую элиту. Эта стратегия, дающая эффекты лишь в краткосрочной перспективе, приводит, по словам Г. Моска, к вырождению демократии в «плутократическую или бюрократическую диктатуру» [14]. При этом стоит отметить, что смена элит может происходить не только в результате давления масс, революционным путем, но и в результате социальных изменений, эволюционным путем. Элита – это не только субъект, но и объект социальных изменений. Так, смещение акцента в политике с военной силы на богатство, как то было в истории, или серьезные технологические изменения, происходящие в последние десятилетия, способствуют смене элит.

Долгое время классическая теория элит не признавалась большей частью политологического сообщества, считаясь антидемократичной по своей сути. Однако после Второй мировой войны ряд ученых провели серию исследований, посвященных роли и месту элит в демократических обществах. В результате теория элит была интегрирована с теорией демократии, что позволило устранить множество существовавших противоречий и препятствий, мешавших дальнейшему приращению знаний об элитах. Ч.Р. Миллс сделал акцент на властвующей элите в рамках высшего класса, утверждая, что демократические институты в США играют значительно меньшую роль в принятии решений по сравнению с группами интересов, глубоко укоренившимися в политике, корпоративном мире и вооруженных силах [15]. Он считал, что американское общество контролируется единой сплоченной группой, которая занимает руководящие позиции в трех главных общественных сферах: политической, экономической и военной. Разница между политической, экономической и военной элитами является только кажущейся. Из-за схожести социального происхождения, тесных личных и семейных отношений, институциональной близости они воспринимают себя и воспринимаются другими как внутренний круг высших социальных классов. Ч.Р. Миллс, называя эту группу, предпочитал термин «властвующая элита», а не «правлящий класс». В марксистской интерпретации власть проистекает от богатства, которым владеет правящий капиталистический класс. Ч. Р. Миллс же, наоборот, полагал, что власть перешла из рук владельцев средств производства в руки менеджеров и функционеров основных институтов американского общества, таким как высокопоставленные политики. Для Ч.Р. Миллса властвующая элита – это люди, которые занимают руководящие посты в главных иерархиях и организациях современного общества и имеющие благодаря этому право принимать решения, влекущие значительные национальные и международные последствия. Сплоченная властвующая элита, т.е. союз главных политических, экономических и военных лидеров, занимает, по его мнению, в американской структуре власти высший уровень. Средний уровень составляют местные элиты, члены парламента, судьи, представители различных групп интересов. Низший уровень занимают практически безвластные, экономически зависимые и неорганизованные массы. По сути, те, кто находится наверху властной иерархии, издают указы, которые покорные администраторы среднего уровня передают населению низшего уровня. Позже Д.У. Домхофф также показал, что американская повестка дня задается корпорациями, а важные политические решения принимаются небольшой и крепко связанной группой лиц [16].

Развитие классического элитизма, немалый вклад в которое, используя американский фактологический материал, внесли Ч. Р. Миллс и Д. У. Домхофф, сопровождалось формированием плюралистической теории, подчеркивающей, что в современных обществах элита представляет собой довольно дифференцированную группу. Другими словами, в подобных обществах в каждой меритократической подсистеме (политике, экономике, масс-медиа и т.д.) существует своя собственная статусная иерархия, так или иначе связанная с верхушкой власти. Предшественником плюралистической теории элит является К. Маннгейм, отметивший, что расширение политического участия оказывает вредное воздействие на элиту, порождая проблему «негативной демократизации». Опасаясь увеличения численности элит, «пролетаризации интеллигенции», межэлитных и внутриэлитных конфликтов, способных лишить общество необходимой преемственности, он предложил укреплять единство элиты, прививая ей чувство групповой сплоченности и общего мировоззрения, крайне необходимых в будущих демократических системах [17].

Р. Дарендорф утверждал, что в индустриальных обществах существует множество элит, конфликтующих друг с другом. Для него элиты – это квазигруппы, т.е. неопределенные совокупности индивидов, занимающих позиции, дающие им возможность играть схожие роли [18]. С. Келлер предложила термин «стратегические элиты», чтобы подчеркнуть наличие в современном обществе множества неинтегрированных в единое целое групп, обладающих властью в различных сферах. Принадлежность к стратегической элите зависит не от характера деятельности, а от масштабов этой деятельности, т.е. от того, на какое количество членов общества она ока-

зывает влияние. В большинстве своем члены стратегической элиты действуют в соответствии с функциональными требованиями своего статуса. Например, политическая элита несет основную ответственность за определение целей, которым будет следовать общество [19]. Р. Даль изобразил элиту плюралистической группой, утверждая, что демократия есть результат компромисса элит и характера политической культуры [20]. Для него социальная структура напоминает не одну пирамиду, а несколько. В своей работе «Кто правит?: Демократия и власть в американском городе» Р. Даль, изучив три различных случая в Нью-Хейвене, не обнаружил признаков того, что за кулисами действует какая-то сплоченная элита, наоборот, на соответствующей политической арене господствовало множество политиков, реагирующих на желания граждан [21]. Р. Патнэм, придерживаясь тех же аргументов, что и Р. Даль, отмечал, что в современных демократиях имеет место диффузия власти, поскольку политические решения принимаются в государственных бюрократических организациях, что и ведет к ее распределению среди широкого числа секторов элиты [22].

Холодная война, в ходе которой произошло разделение мира на западный демократический и восточный тоталитарный блоки, стимулировала элитологические исследования, в которых проводилось различие между элитами в зависимости от типа политического режима [23]. Этому способствовало и появление десятков режимов, которые нельзя было однозначно отнести ни к демократическим, ни к тоталитарным (военные диктатуры Южной Америки, традиционалистские монархические режимы Азии, султанистские режимы Ближнего Востока). Однако наиболее мощный стимул дальнейшему развитию теории элит придала, если пользоваться термином С. Хантингтона, третья волна демократизации [24]. Коллапс социализма в Восточной Европе и практически внезапная демократизация традиционно авторитарных стран Южной Европы и Латинской Америки поставили под сомнение господствующие интерпретации, касающиеся структурных ограничений и культурного детерминизма. Политологи из различных стран предприняли попытки понять, какую роль играют элиты в переходе от авторитарного к демократическому режиму. Данное направление в развитии теории элит, связанное с изменением режимов и демократизацией, начало именоваться новым элитизмом. Работы Д. Хигли и М. Бертона «Соглашение элит» и «Элита как переменная в демократических транзитах и провалах» заложили основы этого направления [25], постепенно увлекшего и других авторов.

С точки зрения сторонников нового элитизма, демократия есть результат консенсуса в среде элиты. Демократия становится возможной, когда различные группы элиты начинают признавать общность своих интересов и действовать согласованно [26]. Консенсус в среде элиты и последующая ее конвергенция представляет собой процесс, в ходе которого организованные антисистемные элиты отказываются от радикальной оппозиции и избирают коалиционную стратегию, позволяющую увеличить шансы на приобретение электоральных преимуществ. Таким образом, ранее радикальные элиты принимают правила игры, объединяясь с правящими элитами в деле легитимизации демократии и верховенства закона. Данный процесс завершается переходом от авторитарного режима или нестабильной демократии к консолидированной демократии, где никакая группа элиты не может оказывать серьезного влияния на тип режима. Следовательно, могут иметь место два основных типа элиты: разобшенная элита и сплоченная элита. Первая ассоциируется с автократиями и нестабильной демократией, а вторая с крепкими демократическими режимами. Как следствие, смена разобщенной элиты на сплоченную открывает дорогу демократии. Доказательством может служить Ирак, где попытки навязать демократию силой натолкнулись на разобщенность элит или, наоборот, ЮАР, где уничтожение апартеида было достигнуто через консенсус элит. При этом сторонники нового элитизма подчеркивают важность масс в теории элит, обращая внимание на их взаимозависимость. Так, консенсус в среде элиты часто является реакцией на социально-политический кризис, вызванный тем, что массы начинают угрожать положению и интересам элиты [27].

Результаты и обсуждение. Большинство современных дефиниций политической элиты, развиваемых в рамках основных направлений исследований, включают в ее состав индивидов, обладающих не столько соответствующими способностями, сколько положением в институциональной иерархии. Важнейшим признаком политической элиты выступает наличие у нее различного рода привилегий, преимуществ, которыми она обладает в отличие от масс. В информационном обществе одно из центральных мест среди привилегий занимают информационные привилегии: элита в отличие от масс имеет доступ к медиaprостранству. Она, благодаря своей численности, более организована, чем массы, что дает ей возможность держать последние в подчинении. Однако элита не может сохранять свое положение и управлять без определенной поддержки со стороны масс. Поэтому она вынуждена обеспечивать поддержку масс через легитимизацию своего положения и проводимой политики, ис-

пользуя приоритетный доступ к медиaprостранству, иными словами, свои информационные привилегии. Главным фактором доступа к медиaprостранству остается институциональный статус, которым обладает только элита. Высокое институциональное положение превращает элиту в крайне влиятельного коммуникатора, которому довольно часто удается манипулировать общественным мнением. Следовательно, лицам с более низким институциональным статусом, оппозиционным партиям и кандидатам значительно труднее получить доступ к медиaprостранству, чем представителям политической элиты.

Важнейшим признаком политической элиты выступает наличие у нее различного рода привилегий, преимуществ, которыми она обладает в отличие от масс. Одно из центральных мест среди привилегий занимают информационные привилегии. Элита в отличие от масс имеет доступ к медиaprостранству [28]. Круг общения обычных людей, как правило, ограничен членами семьи, друзьями и коллегами. Хотя они могут использовать новостные медиа, они в целом не влияют на новостной контент, не оказываются в центре новостных репортажей. Наоборот, политическая элита имеет разносторонний доступ к медиaprостранству. Журналисты всегда стремятся взять у ее представителей интервью или поинтересоваться мнением по какому-нибудь вопросу, тем самым превращая элиту в главного новостного актора или спикера новостных сообщений [29].

Массмедиа выполняют для политической элиты две базовые функции – информационную и инструментальную [30]. Массмедиа служат для элиты источником информации, являющейся, в свою очередь, ключевым активом для сохранения ее положения и выполнения ее функций [31]. Как и массы, элита узнает из массмедиа о событиях, происходящих в мире, в том числе и мире политики. Получаемая информация может быть самой разнообразной, от реальных темпов инфляции до факта обострения межэтнических отношений. Во всем этом многообразии можно выделить три группы информации, которые интересуют элиту. Первая группа – это информация о преобладающих проблемах, которые беспокоят массы. Поскольку решение хотя бы части постоянно возникающих социальных проблем укрепляет позиции элиты, то массмедиа выступают для нее инструментом обнаружения подобных проблем. Привлекательность медиainформации о проблемах для элиты состоит в том, что она всегда преподносится в сжатой и концентрированной форме, именно в той форме, которая наиболее предпочтительна для представителей политической элиты, сталкивающихся с переизбытком информации [32]. Вторая группа – это информация, касающаяся общественного мнения [33]. Сообщения, исходящие от массмедиа, формируют картину общественного мнения, зачастую весьма отличную от реальной. Вместе с тем в них содержится и фактологическая информация, например, результаты опросов общественного мнения или высказывания лидеров каких-либо общественных групп. Третья группа – это информация о других представителях политической элиты. Элита редко бывает монолитной, поэтому деятельность одной части элиты скрыта от другой, и наоборот. Однако в результате часто случающихся т.н. утечек в прессу информации ранее скрытые факты о заявлениях, планах и визитах отдельных представителей элиты оказываются известными всему кругу элиты [34].

Таким образом, элита получает из массмедиа информацию, которой бы она в противном случае не владела или которая бы не привлекла ее внимание. При этом элита получает не только информацию, важную в определенный момент времени для нее, но и информацию о том, что важно в данный момент для общества. Элита, не имея возможностей охватить все важные темы, благодаря медийной информации может сконцентрироваться только на тех событиях и лицах, которые преобладают в настоящий момент в общественном дискурсе.

Элита не просто пассивно потребляет информацию, исходящую от массмедиа, но и активно использует ее в своей повседневной деятельности, учитывая ее при построении своих политических планов и стратегий. Медийная информация дает элите возможность более эффективно достигать своих целей. Например, партийный лидер может использовать подобную информацию, чтобы повысить значимость партийных проблем в правительственной повестке дня. Аналогичным образом президент может использовать информацию о происшествии, широко освещаемом массмедиа, для получения одобрения своих политических планов в парламенте.

Существует огромный пласт литературы, в которой авторами доказывается, что элита активно использует информацию, полученную от массмедиа, для достижения своих целей. Действительно, когда массмедиа обращаются к какой-либо проблеме, то она параллельно «проникает» в мир политики и элита начинает все больше и больше говорить о ней [35]. При всем том информация, содержащая мнение, представляет для элиты большую ценность, чем информация, содержащая лишь голые факты. Факты, подвергшиеся анализу и интерпретации массмедиа, требуют от элиты меньше усилий, чтобы сформировать свое мнение и принять ту или иную позицию [36]. Исследования, посвященные связи между массмедиа и политической повесткой дня, показывают, что первые

оказывают значительное влияние на вторую во многих демократических странах [37]. Исследования, построенные на результатах социологических опросов, также доказывают, что массмедиа выполняют для элиты информационную функцию [38]. Однако элита является не простым потребителем информации, а рациональным актором, преследующим свои стратегические цели. Поэтому она реагирует в первую очередь на темы, воспринимаемые как «свои собственные» и те из них, которые могут дать ей определенные преимущества [39]. Таким образом, массмедиа не просто предоставляют элите полезную информацию, но и дают возможность сделать свои проблемы более приоритетными.

Массмедиа предоставляют информацию, но вместе с тем они выступают для элиты своеобразным средством или пространством, через которое она приобретает доступ к массам. Элита нуждается в поддержке масс, поэтому стремится обеспечить себе исключительный доступ к массмедиа, являющимся одним из самых действенных средств обретения такой поддержки. Элита всегда активно действует в медиапространстве, пытаясь, плотно сотрудничая с журналистами и редакторами, максимизировать позитивные и минимизировать негативные составляющие своего образа. В медиапространстве существуют свои правила игры, обязательные процедуры и критерии для исключения и включения. Даже контролируя массмедиа, элита вынуждена соблюдать эти правила игры, чтобы сделать доминирующей свою версию событий [40].

При этом медиапространство существует не само по себе, а в плотном контакте с политическим пространством, на которое оно одновременно влияет и само подвергается влиянию с его стороны [41]. Как следствие, приоритетный доступ к медиапространству получают те представители элиты, которые обладают формальной политической властью – президенты, премьер-министры, лидеры партий и т.д. [42] Хотя, как показывают некоторые исследования, массмедиа часто предпочитают харизматичных, коммуникативных и привлекательных личностей [43], главным фактором доступа к медиапространству остается институциональный статус, которым обладает только элита [44]. Высокое институциональное положение, сопровождаемое использованием профессиональных PR-техник и привлечением специалистов по управлению новостями, превращает элиту в крайне влиятельного коммуникатора, которому довольно часто удается манипулировать общественным мнением [45]. Следовательно, лицам с более низким институциональным статусом, оппозиционным партиям и кандидатам значительно труднее получить доступ к медиапространству, чем представителям политической элиты. В результате массмедиа передают в большинстве своем только те сообщения, которые выгодны влиятельной политической элите [46].

Элита пользуется этими информационными привилегиями для решения различных задач. Во-первых, чтобы обеспечить себе известность. По крайней мере те, кто получил должность выборным путем или был назначен на должность избранным лицом, проявляют желание быть известным обществу и, следовательно, постоянно упоминаются в новостных сообщениях. Именно поэтому обретение доступа к медиапространству является одной из ключевых целей определенной части представителей политической элиты, которые готовы даже конкурировать друг с другом за медийное внимание [47]. Во-вторых, элита использует медиапространство для продвижения своих собственных историй, которые заполняют содержание новостных лент. В итоге проблемы преподносятся и объясняются медиа с предпочтительной для элиты стороны. Политические курсы, выгодные элите, представляются массам как единственно возможные или самые верные.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что современные дефиниции политической элиты включают в ее состав индивидов, обладающих не столько соответствующими способностями, сколько положением в институциональной иерархии. Элита представляет собой относительно небольшую группу людей, которые принимают решения, имеющие общенациональные последствия, либо оказывают влияние на этот процесс. Следовательно, политическая элита включает в себя политиков, высокопоставленных правительственных чиновников и лидеров различных групп интересов. Элита, благодаря своей численности, более организована, чем массы, что дает ей возможность держать последние в подчинении. Однако элита не может сохранять свое положение и управлять без определенной поддержки со стороны масс. Поэтому она вынуждена обеспечивать поддержку масс через легитимизацию своего положения и проводимой политики, используя приоритетный доступ к медиапространству, иными словами, свои информационные привилегии.

ЛИТЕРАТУРА \ REFERENCES

1. Diderot D., Mallet E.-F. Elite // Encyclopédie ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Metiers. En 28 Volumes. Vol. 5 / Ed. par D. Diderot, J.R. d'Alembert. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, 1755. P. 509.
2. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 307-308.
3. Там же. С. 309.

4. Parry G. *Political Elites*. Colchester: ECPR Press, 2005. P. 13.
5. Moore G. *The Structure of a National Elite Network* // *American Sociological Review*. 1979. Vol. 44. № 5. P. 674.
6. Higley J., Burton M.G. *The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns* // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. № 1. P. 18.
7. Yamokoski A., Dubrow J.K. *How Do Elites Define Influence? Personality and Respect as Sources of Social Power* // *Sociological Focus*. 2008. Vol. 48. № 4. P. 319.
8. Araya I.A. *Comparative Political Elites* // *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance* / Ed. by A. Parazmand. Cham: Springer, 2018.
9. Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. Kitchener: Batoche Books, 2001. P. 241.
10. Там же. P. 28-29.
11. Mosca G. *The Ruling Class*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1939. P. 60-61.
12. Pareto V. *The Rise and Fall of Elites: Application of Theoretical Sociology*. Abingdon: Routledge, 2017. P. 59.
13. Mosca G. *The Ruling Class*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1939. P. 71-72.
14. Там же. P. 391.
15. Mills C.W. *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press, 1956.
16. Domhoff G.W. *Who Rules America?* Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1967.
17. Манхейм К. *Человек и общество в эпоху преобразований* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени: Сборник* / Под ред. Я.М. Бергера и др. М.: Юрист, 1994. С. 314, 322.
18. Dahrendorf R. *Eine Neue Deutsche Oberschicht? Notizen über die Eliten der Bundesrepublik* // *Die Neue Gesellschaft*. 1962. Vol. 9. № 1. S. 18-31.
19. Keller S. *Beyond the Ruling Class: Strategic Elite in Modern Society*. New York: Random House, 1963.
20. Dahl R.A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press, 1971.
21. Dahl R.A. *Who Governs?: Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press, 1961.
22. Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1976.
23. Например, Matthews M. *Privilege in the Soviet Union: A Study of Elite Life-Styles under Communism*. London: G. Allen and Unwin, 1978.
24. Huntington S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
25. Burton M.G., Higley J. *Elite Settlements* // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52. № 3. P. 295-307; Higley J., Burton M.G. *The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns* // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. № 1. P. 17-32.
26. Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. P. 1-32.
27. Burton M., Gunther R., Higley J. *Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes* // *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe* / Ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1-37.
28. Dijk T.A.V. *Power and the News Media* // *Political Communication in Action: States, Institutions, Movements, Audiences* / Ed. by D.L. Paletz. Cresskill: Hampton Press, 1996. P. 11-13.
29. Tuchman G. *Making News: A Study in the Construction of Reality*. New York: Free Press, 1978; Gans H.J. *Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time*. New York: Pantheon Books, 1979.
30. Aelst P.V., Walgrave S. *Information and Arena: The Dual Function of the News Media for Political Elites* // *How Political Actors Use the Media: A Functional Analysis of the Media's Role in Politics* / Ed. by P.V. Aelst, S. Walgrave. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 1-20.
31. Baumgartner F.R., Jones B.D. *The Politics of Information: Problem Definition and the Course of Public Policy in America*. Chicago: The University of Chicago Press, 2015. P. 5-18.
32. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives, and Public Policy*. Harlow: Pearson Education, 2014. P. 60.
33. Glynn C.J. et al. *Public Opinion*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 330-384.
34. Reich Z. *The Anatomy of Leaks: Tracing the Path of Unauthorized Disclosure in the Israeli Press* // *Journalism*. 2008. Vol. 9. № 5. P. 555-581.
35. Eissler R., Russell A., Jones B.D. *New Avenues for the Study of Agenda Setting* // *Policy Studies Journal*. 2014. Vol. 42. № 1. P. 71-86.
36. Thesen G. *When Good News Is Scare and Bad News Is Good: Government Responsibilities and Opposition Possibilities in Political Agenda-Setting* // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52. № 3. P. 364-389.
37. Bonafont L.C., Baumgartner F.R. *Newspaper Attention and Policy Activities in Spain* // *Journal of Public Policy*. 2013. Vol. 33. № 1. P. 65-88.
38. Midtbo T. et al. *Do the Media Set the Agenda of Parliament or Is It the Other Way Around? Agenda Interactions between MPs and Mass Media* // *Representing the People: A Survey among Members of Statewide and Sub-State Parliaments* / Ed. by K. Deschouwer, S. Depauw. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 188-208.

39. Pas D.V.D. Making Hay While the Sun Shines: Do Parties Only Respond to Media Attention When the Framing Is Right? // *The International Journal of Press/Politics*. 2014. Vol. 19. № 1. P. 42-65.
40. Stromback J., Esser F. Mediatization of Politics: Towards a Theoretical Framework // *Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies* / Ed. by F. Esser, J. Stromback. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 3-30.
41. Stromback J., Aelst P.V. Why Political Parties Adapt to the Media: Exploring the Fourth Dimension of Mediatization // *International Communication Gazette*. 2013. Vol. 75. № 4. P. 341-358.
42. Bennett W.L. *News: The Politics of Illusion*. Chicago: The University of Chicago Press, 2016. P. 89-123.
43. Schaffner B.P., Sellers P.J. Introduction // *Winning with Words: The Origin and Impact of Political Framing* / Ed. by B. P. Schaffner, P.J. Sellers. Abingdon: Routledge, 2010. P. 1-8; Waismel-Manor L., Tsfati Y. Why Do Better-Looking Members of Congress Receive More Television Coverage? // *Political Communication*. 2011. Vol. 28. № 4. P. 440-463.
44. Wolfsfeld G. *Making Sense of Media and Politics: Five Principles in Political Communication*. Abingdon: Routledge, 2011. P. 7-44.
45. Lieber P.S., Golan G.J. Political Public Relations, News Management, and Agenda Indexing // *Political Public Relations: Principles and Applications* / Ed. by J. Stromback, S. Kioussis. Abingdon: Routledge, 2011. P. 54-74.
46. Hanggli R. Key Factors in Frame Building: How Strategic Political Actors Shape News Media Coverage // *American Behavioral Scientist*. 2012. Vol. 56. № 3. P. 300-317.
47. Gubituz S.R. et al. Political Dynamics of Framing // *New Directions in Media and Politics* / Ed. by T.N. Ridout. Abingdon: Routledge, 2019. P. 36-38.

Вклад авторов

Все авторы ответственны за идеи исследования и в равной степени участвовали в написании данной статьи.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Научно-образовательному центру «Политическая регионалистика» Пятигорского государственного университета.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ОБ АВТОРАХ

Нефедов Сергей Александрович, доктор политических наук, научный сотрудник, Пятигорский государственный университет, 357532, РФ, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, offiziell@yandex.ru
Nefedov Sergey Alexandrovich, Doctor of Political Sciences, researcher, Pyatigorsk State University, 9 Kalinin Avenue, 357532 Pyatigorsk, Russia, offiziell@yandex.ru

Куцаенко Екатерина Игоревна, старший преподаватель, Пятигорский государственный университет, 357532, РФ, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, kutsaenkoei@gmail.com
Kutsaenko Ekaterina Igorevna, Assistant Professor, Pyatigorsk State University, 9 Kalinin Avenue, 357532 Pyatigorsk, Russia, kutsaenkoei@gmail.com

Дата поступления в редакцию: 02.02.2019

После рецензирования: 07.07.2019

Дата принятия к публикации: 01.09.2019